

МЕХАНИЗМ СДЕРЖЕК И ПРОТИВОВЕСОВ КАК СПОСОБ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ КОНФЛИКТОВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

И.А. Третьяк

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

24 октября 2018 г.

Дата принятия в печать –

14 декабря 2018 г.

Дата онлайн-размещения –

20 января 2019 г.

Рассматриваются категории сдержек и противовесов в контексте конституционно-правового принуждения. Анализируется правовой механизм сдержек и противовесов в концепции разделения властей в науке и правоприменительной практике зарубежных стран (Франция, США и Великобритания). Делается вывод, что не все проявления механизма сдержек и противовесов совпадают с мерами конституционно-правового принуждения по содержанию, однако и то, и другое правовое явление служит цели предупреждения и разрешения конституционно-правовых конфликтов.

Ключевые слова

Конституционный конфликт, сдержки и противовесы, конституционно-правовое принуждение, право вето, делегированное законотворчество, меры принуждения, сравнительно-правовой аспект

THE MECHANISM OF CHECKS AND BALANCES AS A METHOD OF CONSTITUTIONAL CONFLICTS SOLVING: COMPARATIVE LAW ISSUES

Irina A. Tretyak

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received – 2018 October 24

Accepted – 2018 December 14

Available online – 2019 January 20

The subject. The paper is devoted to legal analysis of category "checks and balances" in the scope of constitutional legal coercion.

The purpose of the paper is to confirm or disprove hypothesis that mechanism of checks and balances is a method of prevention and resolution of constitutional conflicts.

The methodology of the study includes comparative legal method as well as general scientific methods (analysis, synthesis, description) and particular academic legal methods (formal-legal method, interpretation of legal acts).

The main results and scope of their application. While the Russian legal tradition focused on the search for optimal "checks" and "balances" as well as defended the theoretical model of formalism in this matter, the English legal tradition, on the contrary, focused on finding the optimal functional balance of all branches of government. The system of checks and balances serves the purpose of resolving constitutional and legal conflicts, when it is based on a functional approach rather than a formal one. The factors of "checks and balances" mechanism are:

– formation of the three branches of government in different ways;

– comparability of powers of the Supreme authorities belonging to various branches of the powers with discrepancy of terms of their powers;

– authorities of every branch of government must have "counterbalance" – the powers of compensatory, substituting type – besides its traditional powers. The executive and legislative authorities have "quasi-judicial" powers, the executive authorities have "quasi-legislative" powers often.

– authorities of every branch of government must have "checks" – possibility to participate in the mechanism of constitutional and legal coercion in relation to another branch of the power.

Keywords

Constitutional conflict, checks and balances, constitutional enforcement, veto, delegated law, enforcement measures, comparative law

The executive branch can prevent a constitutional conflict generated by a gap or defect of laws through delegated law-making. The executive branch receives "quasi-legislative" powers with delegated law-making. It allows this authorities not only to respond promptly to changing public relations, but also to fill legislative gaps in a timely manner. This "counter-balance" is aimed at preventing constitutional and legal conflicts.

Conclusions. The mechanism of checks and balances, which is based on the principle of separation of powers, is the primary way to prevent constitutional and legal conflicts, and also serves the purpose of resolving conflicts that have already arisen. The main manifestations of this function are the presence of compensatory and substitutive powers of various branches of government and the possibility of one branch of government to participate in the mechanism of constitutional and legal coercion in relation to another branch of government.

1. Введение

Традиционным для конституционного права является понятие «сдержек и противовесов», которое не раз становилось предметом исследования на всем протяжении развития отечественной науки конституционного права. Как отмечает Ю.А. Тихомиров, наличие системы сдержек и противовесов служит необходимым механизмом «легального разрешения коллизий между властями» [1, с. 205]. Вместе с тем система сдержек и противовесов служит проявлением феномена разделения властей, который состоит в создании государственной системы, позволяющей свести к минимуму возможные ошибки в управлении, односторонность подхода к решаемым вопросам [2, с. 92; 3, с. 204]. В большей степени данный механизм справедлив только для конституционного права.

В классическом понимании термина «сдержек и противовесов» мы не найдем в административном, уголовном, муниципальном праве, поскольку данные отрасли не регулируют правоотношения, объектом которых служит разделение властей. В связи с чем возникает закономерный вопрос: почему в указанных отраслях права речь идет о правовом принуждении при разрешении аномалий в праве, в то время как в конституционном праве применяется «особый» механизм сдержек и противовесов? Каким образом соотносится механизм сдержек и противовесов с конституционно-правовым принуждением? Чтобы ответить на данный вопрос достаточно представить механизм сдержек и противовесов в конституционном праве в виде весов с «тремя равными плечами», соответствующими трем ветвям государственной власти, то правовое принуждение – это сила притяжения, которая в зависимости от веса каждого плеча уравнивает общую конструкцию конституционализма. В этом примере правовое принуждение в буквальном смысле сосредоточено на рычагах сдержек и противовесов.

Вместе с тем если бы система сдержек и противовесов являлась обычной совокупностью разнородных мер конституционно-правового принуждения, то сложно объяснить, как данный механизм зародился много ранее постановки вопроса о санкциях конституционных норм и в различных правовых системах. Очевидно, что, являясь одной из основ конституционного строя современных демократических государств, система сдержек и противовесов представляет собой определенный механизм разрешения краевых противоречий различных ветвей государственной власти, но при этом в каждом государстве данный механизм имеет свое собственное «звучание».

2. Развитие научных взглядов на принцип разделения властей как основу механизма сдержек и противовесов

Прежде всего, обратимся к доктрине французского и американского конституционного права – родоначальникам принципа разделения власти как основы организации государственной власти.

Уже Ш. Монтескье, возражая против практики неделимости государственной власти во времена феодального абсолютизма, по существу предлагал классифицировать все государственные органы на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную власть. Сформулированная им концепция разделения властей (фр. *separation des pouvoirs*) составила основу теории и практики конституционализма уже на первичном этапе их формирования [4, с. 56].

Данный принцип, в частности, был положен в основу Конституции США 1787 года. Несмотря на то, что непосредственно в тексте ее статьей данный принцип непосредственно не упоминается, он отражен в определении конституционно-правового статуса высших органов США. В связи с чем принцип разделения властей закономерно исследовался и американскими учеными.

В частности, как указывают Дэвид Карилло и Дэнни Чу, исследователи университета Беркли,

принцип разделения властей является базовой философией американской государственной системы, поскольку устанавливает систему сдержек и противовесов для защиты каждой ветви власти от злоупотреблений других ветвей¹ [5, р. 657]. Разделение властей и система сдержек и противовесов даже более чем Билль о правах является главной защитой свободы личности в Соединенных Штатах².

В американской литературе выделяют две теоретические модели разрешения конфликтов между тремя ветвями власти: формализм и функционализм. Формализм исходит из того, что законодательная, исполнительная или судебная власть легко идентифицируемы. Иными словами, каждый государственный акт может быть классифицирован как законодательный, исполнительный или судебный. Верховный Суд США в ряде решений применяет данную теоретическую модель³.

Функционализм, напротив, исходит из необходимости поддержания оптимального баланса силы между ветвями власти. Вместо того, чтобы полагаться на четкое разграничение властных полномочий, функционализм запрещает «слишком много» присваивать любой ветви власти. В некоторых решениях Верховного Суда США можно проследить отсылки к анализу разделения властей с точки зрения функционального подхода⁴.

Сегодня, как отмечает Ричард Бенвел, разделение властей все чаще рассматривается именно как система сдержек и противовесов, необходимых для оптимального государственного управления. В США, как и в ряде других президентских системах, строгое разделение властей зачастую является фундаментальным конституционным принципом. При этом в Великобритании и других странах общего права теория разделения властей пользовалась гораздо меньшей известностью, поскольку в Великобритании большинство институтов развивались в целях достижения баланса между монархом (а в последнее время и правительством) и парламентом. В связи с чем эта система в Великобритании напоминает больше баланс сил, чем формальное разделение [6, р. 1].

Примечательным в этом плане является смещение аспектов правового регулирования в принципе разделения властей: пока российская правовая традиция ориентировалась на поиск оптимальных «сдержек» и «противовесов», последовательно отстаивая теоретическую модель формализма в данном вопросе, английская правовая традиция, напротив, сосредоточилась на поиске оптимального функционального баланса всех ветвей власти.

На практике многие страны не стремятся к строгому разделению полномочий, а выбирают компромисс, где некоторые функции разделяются между государственными институтами. Так, например, в Великобритании полномочия парламента, правительства и судов тесно переплетены. На самом деле, исполнительная и законодательная ветви власти рассматриваются как «тесный союз», который Уолтер Бэдждот называл «эффективным секретом английской Конституции» [7, р. 67–68].

Представляется, что система сдержек и противовесов тогда служит цели разрешения конституционно-правовых конфликтов, когда опирается на функциональный подход, нежели формальный. Поскольку достижению оптимального баланса как способа разрешения конституционных конфликтов между ветвями власти способствует не их изолирование самостоятельное существование, но наличие «точек соприкосновения» ветвей власти.

Неслучайно, что во многих основных законах различных стран, принятых после 90-х годов XX века, разделение властей было напрямую закреплено конституционными нормами [8, с. 113]. Как отмечает Б.С. Крылов, в конституциях всех стран, даже тех, в которых и теоретически не признается разделение власти (Великобритания и некоторые страны Британского содружества), оно фактически существует [9].

3. Роль системы сдержек и противовесов в конституционных конфликтах: российский опыт

В ходе конституционно-правового развития, по мнению В.Е. Чиркина, принцип разделения властей подвергся значительным модификациям:

– во-первых, в судебной практике, а затем и в конституциях, был сформулирован тезис о системе

¹ California Supreme Court decision *Bixby v. Pierno*, 481 P. 2d 242 (Cal. 1971)

² *Clinton v. City of N.Y.*, 524 U.S. 417, 450 (1998) ("Separation of powers was designed to implement a fundamental insight: Concentration of power in the hands of a single branch is a threat to liberty.... So convinced were the Framers that liberty of the person inheres in structure that at first they did not consider a Bill of Rights necessary").

³ *Clinton v. City of N.Y.*, 524 U.S. 417 (1998); *Bowsher v. Synar*, 478 U.S. 714 (1986); *INS v. Chadha*, 462 U.S. 919 (1983).

⁴ *Mistretta v. United States*, 488 U.S. 361 (1989); *Morrison v. Olson*, 487 U.S. 654 (1988); *Commodity Futures Trading Comm'n v. Schor*, 478 U.S. 833 (1986); *Nixon v. Fitzgerald*, 457 U.S. 731 (1982); *Nixon v. Adm'r of Gen. Servs.*, 433 U.S. 425 (1977); *United States v. Nixon*, 418 U.S. 683 (1974).

сдержек и противовесов (checks and balances) ветвей власти – одна должна сдерживать другую, не позволяя ей излишне возвышаться;

– во-вторых, появилось положение не только о балансе, но и о взаимодействии ветвей власти;

– в-третьих, обнаружилось, что некоторые особые государственные органы, учреждения (например, прокуратура, органы конституционного контроля, государственный банк) не вписываются в эту триаду или отношения между ними иные, чем предусматривала первоначальная концепция; глава государства тоже занимает иное положение, чем это виделось первоначально авторам концепции разделения властей;

– в-четвертых, в конституциях появились упоминания о новых ветвях власти (избирательная, гражданская, организационная власти и др.) [10, с. 121–122].

Рассмотрим первую из предложенных профессором В.Е. Чиркиным модификаций принципа разделения властей: систему сдержек и противовесов, – на примере российского конституционного строя.

Помимо ученых-конституционалистов система сдержек и противовесов исследовалась также теоретиками права. В частности, Н.И. Матузов, А.В. Малько определяют систему сдержек и противовесов как установленную в Конституции и законах совокупность правовых ограничений в отношении конкретной государственной власти: законодательной, исполнительной, судебной [11, с. 164]. Данный механизм необходим в особенности российскому конституционному праву, поскольку, как справедливо отметил Б.С. Крылов, анализ действующих конституций и уставов субъектов Федерации показывает, что подчас самостоятельность законодательной и исполнительной ветвей власти как бы выходят за пределы только взаимных сдержек и противовесов и превращаются в средство давления одной ветви государственной власти на другую. При этом чаще всего такое давление происходит со стороны исполнительной власти. Правда, в подавляющем большинстве конституций и уставов субъектов Федерации установлены и поддерживаются деловые отношения между органами исполнительной власти и органами законодательной власти [9].

Особенностью практической реализации принципа разделения властей является наличие механизма сдержек и противовесов, под которым необходимо понимать конституционно-определенные компетенционные взаимосвязи между государ-

ственными органами в контексте принципа разделения властей [8, с. 116]. Факторами сдержек и противовесов являются:

– формирование трех ветвей власти различными способами;

– соизмеримость, но несовпадения сроков полномочий высших органов государственной власти, принадлежащих различным ветвям власти;

– наличие на каждом рычаге взаимодействия «противовеса» – полномочий компенсационного, замещающего типа: например, у исполнительной и законодательной власти «квазисудебных» полномочий, у исполнительной власти – «квазизаконодательных», и т. п.;

– наличие на каждом рычаге взаимодействия ветвей власти соответственно «сдержек» – возможности участия в механизме конституционно-правового принуждения одной ветви власти, к другой, право вето.

По мнению А.А. Здравцевой и К.А. Зуевой, опирающихся на филологическое толкование категорий, «сдержка» – это удержание от какого-либо действия; т. е. такое правомочие, благодаря которому орган власти не может осуществить определенные действия. В свою очередь «противовес» – это то, что противодействует, противостоит; т. е. такое правомочие, (ответная реакция на действие, решение), которое орган власти вправе реализовать (осуществить) в определенных законом случаях. Отсюда логически следует, что одни правомочия являются сдержками, другие являются противовесами [12, с. 1182].

Приведем ряд примеров, иллюстрирующих наличие в российской правовой системе сдержек и противовесов, направленных на разрешение конституционно-правовых конфликтов, но не относящихся непосредственно к мерам конституционно-правового принуждения.

Итак, предупредить конституционный конфликт, порожденный пробелом, либо коллизией законодательства может исполнительная власть в порядке делегированного законотворчества. Делегированное законотворчество (англ. delegated law) – изданные правительством по уполномочию парламента нормативные акты, фактически обладающие силой закона, в порядке уступки (делегирования) парламентом правительству некоторых законодательных полномочий. Такое делегирование есть по своей сути передача права на принятие законов государственному органу (в частности, правительству),

который в соответствии со своей собственной компетенцией такими правами не обладает [13, с. 131]. Явление делегированного законотворчества известно и российской практике конституционного строительства и признано Конституционным Судом Российской Федерации⁵. Так, например, акты Правительства РФ, принятые во исполнение делегированного полномочия парламента, могут быть проверены в порядке конституционного судопроизводства, так как это полномочие возложено федеральным законодателем на Правительство РФ в связи с тем, что какой-то вопрос не получил содержательной регламентации в законе. Такие акты Правительства РФ могут быть проверены именно на предмет их конституционности, для того, чтобы установить не вторгаются ли они в пределы законодательного регулирования [14, с. 1108].

В качестве примеров благотворного воздействия процессов делегирования на экономику и общественно-политическую жизнь указывается, в частности, на американский опыт массивного делегирования законодательной власти от конгресса к исполнительной власти во главе с президентом Ф. Рузвельтом в 30-е гг., в период «великой депрессии», а также на аналогичный опыт США 70-х гг. (президентство Р. Никсона) и отчасти 80-х гг. (президентство Р. Рейгана) [15].

При делегированном законотворчестве исполнительная власть получает «квазизаконодательные» полномочия, что позволяет ей не только оперативно реагировать на изменяющиеся общественные правоотношения, но и своевременно заполнять законодательные пробелы. В связи с чем этот «противовес» направлен на предупреждение конституционно-правовых конфликтов.

Далее, определенные «квазисудебные» полномочия принадлежат в системе сдержек и противовесов законодательной власти. Достаточно наглядно это иллюстрирует механизм импичмента Президента Российской Федерации. Согласно части 1 статьи 93 Конституции Российской Федерации Президент Российской Федерации может быть отрешен от

должности Советом Федерации только на основании выдвинутого Государственной Думой обвинения в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления, подтвержденного заключением Верховного Суда Российской Федерации о наличии в действиях Президента Российской Федерации признаков преступления и заключением Конституционного Суда Российской Федерации о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения. При этом выдвинутое обвинение должно быть обосновано. Таким образом, высший законодательный орган страны фактически должен осуществить квалификацию содеянного Президентом Российской Федерации как государственной измены или иного тяжкого преступления.

Классические примеры механизма сдержек и противовесов можно найти в законодательном процессе Российской Федерации:

– право вето президента. В случае, если Президент Российской Федерации в течение четырнадцати дней с момента поступления федерального закона отклонит его (сдержка), то Государственная Дума и Совет Федерации в установленном Конституцией Российской Федерации порядке вновь рассматривают данный закон. Если при повторном рассмотрении федеральный закон будет одобрен в ранее принятой редакции большинством не менее двух третей голосов от общего числа членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы, он подлежит подписанию Президентом Российской Федерации в течение семи дней и обнародованию (противовес) (часть 3 статьи 107 Конституции Российской Федерации);

– законопроекты о введении или отмене налогов, освобождении от их уплаты, о выпуске государственных займов, об изменении финансовых обязательств государства, другие законопроекты, предусматривающие расходы, покрываемые за счет федерального бюджета, могут быть внесены только при наличии заключения Правительства Российской Федерации (противовес) (часть 3 статьи 104 Конституции Российской Федерации);

⁵ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 3 ноября 2006 г. № 545-О/2006 об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Александровой Ирины Валентиновны на нарушение ее конституционных прав абзацем первым пункта 8 и абзацами вторым и четвертым пункта 13 Положения об особенностях порядка исчисления средней заработной платы Конституционный Суд Российской Федерации // Сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/>

KSRFDecision15567.pdf; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2005 года № 456-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Баяджана Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав Положением об особенностях порядка исчисления средней заработной платы Конституционный Суд Российской Федерации // Сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision32535.pdf>.

– право законодательной инициативы принадлежит Президенту Российской Федерации, Совету Федерации, членам Совета Федерации, депутатам Государственной Думы, Правительству Российской Федерации, законодательным (представительным) органам субъектов Российской Федерации. Право законодательной инициативы принадлежит также Конституционному Суду Российской Федерации и Верховному Суду Российской Федерации по вопросам их ведения (сдержка) (часть 1 статьи 104 Конституции Российской Федерации).

Аналогичный в части вето президента механизм предусмотрен статьей 7 Конституции США 1787 года⁶. По информации, размещенной на официальном сайте Конгресса США, впервые вето было применено Президентом Джорджем Вашингтоном 5 апреля 1792 года, а первое успешное преодоление вето Конгрессом случилось 3 марта 1845 года (вето Президента Джона Тайлера). При этом за всю историю президентства США всего было внесено 1 508 вето (в среднем 6,7 вето в год) (без учета так называемых «карманных вето» – pocket veto, которое не может быть преодолено), а преодолено из них – 111⁷. Тот факт, что всего 7,3 % законопроектов, по которым Президентом США было наложено вето, удалось в итоге принять Конгрессу США, с очевидностью свидетельствует об эффективности данного проявления механизма сдержек и противовесов (права вето).

Российская правоприменительная действительность не дает столь яркой картины реализации

права вето. По информации, размещенной на официальном сайте Государственной Думы Российской Федерации по состоянию на ноябрь 2017 года, со 2 по 7 созыв Государственной Думы Российской Федерации с 1996 года Президент Российской Федерации воспользовался правом вето 61 раз (в среднем 2,9 вето в год). Указанная статистика преодоления вето весьма условна, поскольку в законодательном процессе учитывается показатель «количество повторно принятых законов (впервые принятых до данного периода и отклоненных (или возвращенных в Государственную Думу без рассмотрения) Советом Федерации или Президентом Российской Федерации», который, таким образом, содержит количество принятых законов как в ходе процедуры преодоления вето Президента Российской Федерации, так и законов, возвращенных Советом Федерации Федерального Собрания. За истекший период с 1996 года по 2017 год данный показатель составил 27 законов⁸.

4. Выводы

Из вышеизложенного необходимо сделать вывод, что механизм сдержек и противовесов, «зашифрованный» в принципе разделения властей, является первичным способом предупреждения конституционно-правовых конфликтов, а также служит цели разрешения уже возникших в таких формах, как наличие у органов различных ветвей государственной власти полномочий компенсационного, замещающего типа и возможности одной ветви власти участвовать в механизме конституционно-правового принуждения по отношению к другой ветви власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тихомиров Ю.А. Коллизионное право / Ю.А. Тихомиров. – М.: Изд-во г-на Тихомирова, 2001. – 394 с.
2. Козлова Е.И. Конституционное право России / Е.И. Козлова, О.Е. Кутафин. – М.: Юрист, 1999. – 520 с.
3. Шаварин М.С. Конституционно-правовой аспект разделения властей в США / М.С. Шаварин // Труды Института государства и права РАН. – 2010. – № 6. – С. 203–214.
4. Азаркин Н.М. Учение Монтескье о разделении властей / Н.М. Азаркин // Правоведение. – 1982. – № 1. – С. 56–62.
5. Carrillo D.A. California Constitutional Law: Separation of Powers / D.A. Carrillo, D.Y. Chou // University of San-Francisco Law Review. – 2010. – Vol. 45. – P. 655–688.
6. Benwell R. The Separation of Powers / R. Benwell, O. Gay // Library House of Commons. URL: <http://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN06053/SN06053.pdf> (дата обращения: 22.10.2017).
7. Bagehot W. The English Constitution / W. Bagehot. – London: Chapman & Hall, 1867. – 348 p.

⁶ Конституция США от 17 сентября 1787 года. URL: <https://state-usa.ru/usa-constitution/214-konstitutsiya-ssha-ot-17-sentyabrya-1787-goda> (дата обращения: 19.11.2017).

⁷ Presidential Vetoes. URL: <http://history.house.gov/Institution/Presidential-Vetoes/Presidential-Vetoes/> (дата обращения: 19.11.2017).

⁸ Статистика законодательного процесса в ГД РФ // <http://www.duma.gov.ru/legislative/statistics/?type=convocation&c=7> (дата обращения: 19.11.2017).

8. Шаповал В.Н. Сравнительное конституционное право / В.Н. Шаповал. – Киев: Княгиня Ольга, 2007. – 416 с.
9. Крылов Б.С. Разделение власти: система сдержек и противовесов / Б.С. Крылов // Журнал российского права. – 1998. – № 6. – С. 3–9.
10. Чиркин В.Е. Конституционное право: курс для преподавателей, аспирантов и магистрантов / В.Е. Чиркин. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 688 с.
11. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – М.: Юристъ, 2004. – 512 с.
12. Здоровцева А.А. Система сдержек и противовесов как непосредственный элемент принципа разделения властей / А.А. Здоровцева, К. А. Зуева // Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». – 2013. – Т. 4, № 4. – С. 1181–1196.
13. Дзыбова С.Г. Институт делегированного законотворчества / С. Г. Дзыбова // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2006. – № 2. – С. 131–134.
14. Логвинова И.В. Правовые основания делегированных нормотворческих полномочий Правительства Российской Федерации / И.В. Логвинова // Право и политика. – 2015. – № 8. – С. 1105-111. – DOI: 10.7256/1811-9018.2015.8.16050.
15. Боботов С.В. Введение в правовую систему США / С.В. Боботов, И.Ю. Жигачев. – М.: Норма, 1997. – 332 с.

REFERENCES

1. Tikhomirov Yu. A. Conflict of laws. Moscow, Publishing House of Mr. Tikhomirov, 2001. 394 p.
2. Kozlova E. I., Kutafin O. E. Constitutional law of Russia. Moscow, Lawyer Publ., 1999. 520 p.
3. Shavarin M. S. Constitutional and legal aspect of the separation of powers in the USA. Proceedings of the Institute of State and Law of RAS, 2010, no. 6, pp. 203-214.
4. Azarkin, N. M. Montesquieu's doctrine of separation of powers. Pravovedenie, 1982, no. 1, pp. 56 – 62.
5. Carrillo D. A., D. Y. Chou, California Constitutional Law: Separation of Powers. University of San Francisco Law Review. 2010. Vol. 45. Pp. 655-688.
6. Benwell R., Gay O. The Separation of Powers. Library House of Commons. Available at: <http://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN06053/SN06053.pdf> (date of access: October 22, 2017).
7. Bagehot W. The English Constitution. London, Chapman & Hall, 1867. 348 p.
8. Shapoval V. N. Comparative constitutional law. Kyiv: Princess Olga Publ., 2007. 416 p.
9. Krylov B.S. The separation of power: the system of checks and balances. Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian law, 1998, no. 6, pp. 3-9.
10. Chirkin V. E. Constitutional law: course for teachers, postgraduates and undergraduates. Moscow, Norma, INFRA-M Publ., 2013. 688 p.
11. Matuzov N.I., Malko V. Theory of state and law: textbook. Moscow: Yurist Publ., 2004. 512 p.
12. Zdorovtseva A. A., Zueva K.A. The system of checks and balances as a direct element of the principle of separation of powers. Scientists Notes of TOGU, 2013, vol. 4. no. 4, pp. 1181 – 1196.
13. Zubova S. G. Institute of delegated lawmaking. Bulletin of Adyghe State University, 2006, no. 2, pp. 131-134.
14. Logvinova I. V. Legal grounds of delegated normative powers of the Government of the Russian Federation. Pravo i politika = Law and policy, 2015, no. 8, pp. 1105-111. DOI: 10.7256/1811-9018.2015.8.16050.
15. Bobotov S. V., Rogachev, I. Yu., Introduction to US legal system. Moscow, Norma Publ., 1997. 332 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Третьяк Ирина Александровна – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры государственного и муниципального права Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского 644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а e-mail: irina.delo@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Irina A. Tretyak – PhD in Law, lecturer, Department of State and Municipal Law Dostoevsky Omsk State University 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia e-mail: irina.delo@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Третьяк И.А. Механизм сдержек и противовесов как способ предупреждения и разрешения конституционно-правовых конфликтов: сравнительно-правовой аспект / И.А. Третьяк // Правоприменение. – 2018. – Т. 2, № 4. – С. 43–50. – DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(4).43-50.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Tretyak I.A. The mechanism of checks and balances as a method of constitutional conflicts solving: comparative law issues. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2018, vol. 2, no. 4, pp. 43–50. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(4).43-50. (In Russ.).